

0- 779605

На правах рукописи

Самсонова Ольга Николаевна

**ТВОРЧЕСТВО Н.М. МИНСКОГО: ФЕНОМЕН
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тюмень 2009

Работа выполнена на кафедре литературы ГОУ ВПО
«Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова»

Научный руководитель: Асоян Арам Айкович,
доктор филологических наук, профессор,
член Дантовской комиссии РАН

Официальные оппоненты: Комаров Сергей Анатольевич,
доктор филологических наук, профессор

Клочкова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Сургутский государственный
педагогический университет»

Защита состоится «27» мая 2009 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625 003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, аудитория 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » апреля 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000644220

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

С.М. Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Николай Максимович Минский (1856 – 1937) – одна из самых неординарных фигур культуры Серебряного века. «Личность Минского настолько оригинальна, - писал о поэте Г. Чулков, - и писатель он настолько интересный, что стихи его, даже несовершенные, представляют собой драгоценный материал для выяснения его индивидуальности»¹.

Поэт, драматург, философ, публицист, переводчик, Н. Минский оставил заметный след в русской литературе, без его многообразного творчества нельзя без ущерба представить сложные коллизии русской культуры рубежа XIX – начала XX столетий.

Понимание значительности литературного наследия поэта в последние десятилетия XX и начала XIX вв. кажется совершенно очевидным. Частным доказательством возросшего интереса к Н. Минскому стала развёрнутая биобиблиографическая статья А.В. Чанцева. За этим первым в XX веке впечатляющим фактом внимания к поэту последовала монография австрийского слависта А. Ханзена-Лёве, в которой Н. Минский стал одним из центральных персонажей весьма авторитетного зарубежного исследования. В серии «Новая библиотека поэта» (2005) вышло наиболее полное, в сравнении со сборником в серии «Библиотека поэта» (1972), послереволюционное издание стихотворений Н. Минского: «Ранние символисты. Николай Минский. Александр Добролюбов». Стихи писателя сопровождает обстоятельная и репрезентативная в историко-литературной науке статья С.В. Сапожкова «Поэзия и судьба Николая Минского». Приведённый перечень авторитетных материалов о жизни и творчестве писателя свидетельствует, какие огромные проблемы до сих пор сохраняются в изучении его литературного и философского наследия.

Актуальность исследования состоит в необходимости расширить и углубить существующее представление о проблематике творчества русского писателя-еврея Н. Минского, и тем самым восполнить научное представление об особенностях творческой индивидуальности «отца русского декадентства» и модусах её реализации в культуре и литературном процессе Серебряного века.

Объектом предлагаемого диссертационного исследования являются лирика, публицистика и литературно-философское наследие Николая Максимовича Минского.

Предмет исследования – процесс национально-культурного самоопределения Н. Минского в его художественном, публицистическом и литературно-философском творчестве.

¹ Чулков Г. Умные стихи // Покрывало Изиды. Критические очерки / Г. Чулков. - М., 1909. - С. 128.

Основной целью работы является осмысление генезиса, проблематики и манифестации еврейской темы в творчестве Н. Минского. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) Выявить особенности творческой индивидуальности Н. Минского как писателя, сформированного русской культурой; 2) раскрыть культурно-психологические причины возникновения публицистики Н. Минского и её еврейской проблематики; 3) рассмотреть рождение меонизма как «второй метафизической системы» в свете русско-еврейского экзистенциального самоопределения Н. Минского; 4) выяснить круг мотивов лирики поэта и её идейно-художественные смыслы в контексте русского декаданса и «еврейской темы» в отечественной поэзии рубежа XIX-XX вв.

Теоретической базой исследования послужили современные представления о диалогичности человеческого сознания, ставшие содержанием философских трудов М. Бубера «Я и Ты», М. Бахтина «К вопросам самосознания и самооценки», «Проблемы речевых жанров», а также учение Вл. Библера о диалоге культур.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании использовались биографический, творческо-генетический и культурологический методы изучения творчества писателя.

Теоретическая значимость и научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в ней впервые освещаются сложные и неоднозначные связи самосознания писателя Н. Минского с его творчеством. Основные направления творческой деятельности Н. Минского впервые рассматриваются в свете его проблематичной национально-религиозной самоидентификации.

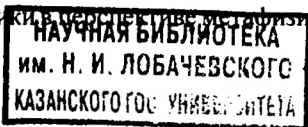
Практическая ценность работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы при создании теоретических трудов по истории русской литературы. Полученные теоретические выводы и фактический материал могут быть применены в учебных курсах по истории русской литературы рубежа XIX-XX вв., спецсеминарах по проблемам русской литературы, в том числе по темам литературы Серебряного века, по творчеству писателя Н. Минского.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Публицистика Н. Минского свидетельствует о глубокой интеграции еврейской диаспоры с русской культурой, но отсутствие подлинного (взаимного) диалога между культурами определило особенности менталитета русского писателя-еврея, каким был Н. Минский, и придавало его публицистическим выступлениям этнически напряжённый характер.

2. Меонизм Н. Минского возник как метафизическое преодоление религиозно-национальных различий родственных ему культур, как утверждение духовного космополитизма.

3. «Еврейская тема» в поэзии Н. Минского — филиация гражданских мотивов его ранней лирики в перспективе метафизических исканий русского декаданса.

4. В творчестве Н. Минского обнаруживается глубоко биографический характер, что нерасторжимо связано с историей духовного формирования еврейской диаспоры в России.

Материалы диссертации **апробированы** на межвузовских и международных конференциях в городах: Тюмени (2006), Новосибирске (2006), Ишиме (2006, 2008), Бийске (2007, 2008), обсуждались на заседаниях кафедры литературы ИГПИ им. П.П. Ершова. Основные результаты исследования представлены в одиннадцати научных публикациях.

Структура исследования определена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и приложения. Объем работы – 140 страниц. Библиографический список включает 219 наименований.

Содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, охарактеризована степень её научной разработанности, сформулированы цель и задачи исследования, определены его объекты и предмет, раскрыты методологические основы работы, аргументирована научная новизна и практическая значимость исследования.

В **первой главе** «Евреи и русская культура в публицистике Н. Минского. Проблема культурной идентичности» рассматриваются социально-исторические условия нравственно-духовной инкорпорации еврейской диаспоры в русскую культуру второй половины XIX века, место и роль образованной части русского еврейства в жизни творческой интеллигенции России конца XIX столетия. Исследуется русско-иудейский диалог, оказавший сильное влияние на общественное и творческое самосознание писателя Н. Минского.

Известно, что будущий поэт родился в бедной еврейской семье, рано осиротел и был усыновлён неким Виленкиным. Друзья и биографы Н. Минского не знали или не хотели озвучивать фамилию его настоящего отца. Это было своего рода табу и для самого поэта. Он родился в еврейской семье, где национальность, а значит и род, определяется по матери. Возможно в силу традиций рода Н. Минскому не столь важно было возратить и оставить родовую фамилию. Причина присвоения семье в качестве фамилии названия губернии – Виленская – содержит догадки и предположения. Губерния входила в черту оседлости евреев на территории России в границах, установленных в 1835 г. Возможно, еврейская семья приняла имя топонима с тем, чтобы лучше укорениться в приютившей их России; либо приёмный отец вовсе не был евреем, что сомнительно, если учитывать консервативные традиции и устои еврейской диаспоры на территории Польши и Белоруссии того времени.

Н. Виленкин, будучи студентом, в 1876 г. опубликовал в «Новом времени» стихотворение «Сон славянина» за подписью «Н. Валевский», но уже через год

(1877) поэт впервые подписался псевдонимом *Минский*. Топонимическое прилагательное в качестве литературного имени было выбрано не случайно. В Минске поэт провёл свои детские и отроческие годы, окончил гимназию. С.В. Сапожков считает, что для Н.Минского этот город стал «колыбелью поэтического творчества», так как именно здесь писатель познакомился с Семёном Венгеровым, сыном директора банка, будущим знаменитым критиком и биографом, много сделавшим для творческого самоопределения Н. Минского на начальном этапе его писательского пути. Связь псевдонима *Минский* с названием города Е. Мильтон обнаруживает со слов самого поэта: «Он придумал себе псевдоним “Минский”, так как он происходил из Минска»².

Упоминание писателя в современной ему критике и дружеских посланиях часто сопровождалось определениями *еврейский, жидовский*. Еврейская тема в произведениях самого Н. Минского особенно актуализирована в ранней публицистике. Это связано с тем, что именно в 1870-80-е гг. так называемый *еврейский вопрос* в России стал особенно острым; причиной накалённой социально-психологической атмосферы стали еврейские погромы и массовая эмиграция евреев из России. Будучи представителем образованной среды еврейской диаспоры, Н.Минский чувствовал ответственность за своих соплеменников и не хотел оставаться в стороне от событий, стараясь всеми доступными ему литературными средствами служить взаимопониманию между диаспорой и коренным населением страны, прежде всего её интеллигенцией. Писатель активно занимался просветительством, знакомя читателя с историей и культурой еврейского народа, которую впитал не только «с молоком матери», но благодаря глубокому интересу к духовным ценностям иудейской древности, к таким религиозным памятникам как Библия и Талмуд.

Получив гуманитарное образование в лучшем столичном университете (Санкт-Петербургском) Н. Минский совмещал преданность своей изначальной социальной и этнической среде с искренним преклонением перед историческими достижениями русской литературы и культуры, которые, как он считал, смогли бы расширить духовные горизонты еврейской диаспоры и лишить её «местечковой» замкнутости.

Именно поэтому 23-летний писатель, желающий нравственного и интеллектуального сближения русского и еврейского народов, стал выступать на страницах возродившейся еврейской газеты «Рассвет», которая первоначально, в 1859-61 гг., издавалась в Одессе, а в 1879 г. стала петербургским изданием. В программной статье газеты ставилась задача «быть органом нужд и потребностей русских евреев..., средством пробуждения их огромной массы <...> от умственной спячки».

² Мильтон Е. Воспоминания о поэте Минском // Новый журнал.- Кн. 91.- Нью-Йорк, 1968.- С. 155.

«Рассвет» должен был служить, пишет позднее А.И. Солженицын, «средством распространения полезных знаний, истинной религиозности и законов общежития и нравственности, приохотила бы евреев изучать русский язык, сродниться с отечественной образованностью»³.

Н. Минский под псевдонимом *Норд-Вест* активно включился в реализацию этих задач. Он писал в «Рассвете» пользовавшиеся большим успехом статьи в художественно-публицистическом жанре – фельетоны на злободневные общественные темы. Интерес поэта к *еврейскому вопросу* в публикациях был обусловлен его «родовой закваской».

В фельетоне, опубликованном в № 9 за 1879 г., молодой писатель рассуждает: «Невесело становится на душе, когда некоторое время сряду позаймёшься “еврейским вопросом” <...>. И в самом деле, что такое представляет “еврейский вопрос” для нас евреев? Вечную утомительную борьбу за право называться человеком. Кто наши враги? Никто и все. Нам приходится бороться с каким-то неосязаемым, но, вместе с тем, неотступным призраком. <...> Человека, проникнутого исторической традицией, нельзя убеждать; он сам не знает, за что именно он относится к вам враждебно: за употребление ли христианской крови, или за чесночный запах».

В другой публикации (№1, 1879) Н. Минский доказывает, что русские евреи – «это сила, влияние которой на будущую историю России всё будет увеличиваться. Это сила, с которой следует считаться, которую следует организовать так, чтобы её проявления отзывались на русской жизни возможно полезнее и благодарнее». «Число евреев в России, - пишет он, - можно полагать, от 3 до 4 млн., коренных же великороссов, дающих тон и направление жизни всего государства, считается около 40 млн. Таким образом, на 10 человек великороссов почти приходится по 1 еврею. Стоит только посмотреть на это число, стоит припомнить, что евреи по своей живучести и культурной выдержке далеко не то, что остальные наши инородцы, вроде самоедов, калмыков или кавказских горцев, чтобы понять всю серьёзность и всё значение этого исторического факта».

Глубокая заинтересованность Н. Минского в *еврейской теме* несомненна. Он пишет, ни на минуту не забывая о своей причастности к еврейской диаспоре, и часто выступает её адвокатом. Но при этом писатель никогда не противопоставляет евреев русским. Н. Минский убеждён, что судьба двух народов нераздельна, и чем скорее осознают это обе стороны, тем полнее и гармоничнее будет их совместная историческая жизнь. Именно это и определяет идентификацию Н. Минского как творческой личности, как русского писателя-еврея. По замечанию Г.Б. Слиозберга, автор фельетонов «был писатель еврей, но не еврейский писатель»⁴.

³ Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2-х ч. - М., 2005. - Ч.1. - С. 180

⁴ Слиозберг Г.Б. Дела давно минувших дней. Записки русского еврея. - Париж, 1933. - Т.1. - С. 122

Это наблюдение справедливо лишь отчасти. Некоторые фельетоны Н. Минского носят оттенок революционных настроений и отражают возросшее самосознание евреев. В одном из них (№1, 1879) он пишет: «История России есть вместе с тем история большей половины живущих на земном шаре евреев: уже в настоящее время к истории России не прибавляется ни одной новой страницы, ни светлой, ни тёмной, на которой не фигурировали бы еврейские имена».

В другой статье «Рассвета» (№6, 1879) Н. Минский предлагает читателям сатиру на антисемитов, основанную на контрасте противоположных мнений: «Всех юдофобов можно разделить на два главных лагеря. Один ратует за возможно полное удаление всех жидов из христианской среды, требует, чтобы жида были скучены и герметически закупорены на возможно меньшем пространстве земли <...>. Но есть и другой лагерь юдофобов. Их лозунг не удаление, а, наоборот, полное слияние жидов с миром христианским. Запрещение евреям носить национальный костюм, насильственное давление на совесть, льготы и привилегии за отречение от иудейства». В трактовке Н. Минского, казалось бы, противоположные мнения не являются бинарными, но они приводят к одному злу в отношении еврейского народа.

Приём деления общественного мнения на две взаимоисключающие позиции Н. Минский, уже без какой-либо иронии, использовал в фельетоне, где анализируется мнение читателей о газете «Рассвет» (№2, 1879): «Одни находили в нашем органе много самохвальства и мало желания просвещать и потому бранили нас. Другие, напротив, заметили в нас мало поползновений на самовосхваление и большие просветительные наклонности – и потому хвалили». Это тот редкий случай, когда Н. Минский пишет от первого лица, подчёркивая тем самым свою причастность не столько к народу, сколько к авторам «Рассвета».

В своих фельетонах Н. Минский убеждает читателей, что и у безземельных евреев есть чувство любви к Родине, он подчёркивает способность этого народа любить Россию не по традиции, а разумом. Еврей «привязывается к своему отечеству не вследствие тёмных преданий или бессознательного инстинкта; патриотизм еврея сознателен и разумен, искренен; рождённые под грозою, чувства не поколеблются от мимолётного ветра; закалённые в страданиях, они не легко поддаются искушению» (№11, 1879).

В своих очередных выступлениях – статьях, объединённых в сборник «На общественные темы», - Н. Минский определяет природно-исторические обстоятельства, формирующие особенности двух народов: «С одной стороны – изобилие земли, с другой стороны – её отсутствие; с одной стороны – поиски несуществующих границ, с другой – поиски столь же несуществующего общества; с одной стороны – ужас открытого пространства, с другой – ужас замкнутого гетто». По мнению Н. Минского, вследствие таких серьёзных различий в судьбе народов проявляются и различия во внешних чертах, «в народном самочувствии»: «С одной стороны – земледелец и воин, с другой – купец и посред-

ник, с одной стороны – безоглядная широкая натура, безрасчётливая удаль, с другой – сосредоточенный расчёт, пугливая оглядка». Именно это самочувствие развито у евреев наиболее сильно и является источником их эгоизма, столь враждебного славянской сущности.

Однако, несмотря на столь разительный контраст в судьбе и образе жизни русского и еврейского народов, Н. Минский приходит к выводу, что они родственны «по процессу развития личности» и сошлись для «общего дела». Он рассматривает особенности русского и еврейского характеров на фоне европейского индивидуализма. Причём под индивидуализмом писатель-публицист понимает не общепринятое «болезненное модное настроение, преувеличенное самосознание влюблённой в себя личности», а более глубокую сущность. Индивидуализм европейца, по мнению Н. Минского, заключается в том, что личность навсегда прикована к своим потребностям и относится к своему счастью, к удовлетворению этих потребностей как к единственной цели жизни, а на внешний мир смотрит, как на средства к достижению этой цели. Внешний же мир для неё делится на природу и человечество. К природе «самоцельная личность» относится с «первичным эросом», испытывая чувство голода, так как природа – единственный резервуар всевозможных материальных и духовных благ. В то время как человечество для «самоцельной личности» – соперник, соискатель тех же самых благ природы, «такие же ненасытные пасти, как она сама». В качестве доказательства Н. Минский приводит сюжет библейской легенды о Каине и Авеле, когда соперничество и вражда заставили сильнеего совершить убийство ради единоличного владения благами природы.

В противовес индивидуализму европейца русская личность, по мнению Н. Минского, в течение долгих веков привыкла «помещать центр жизни» не в себе, а в чём-то внешнем, огромном, бескрайнем, привыкла ставить целое выше частного, *НЕ Я* выше *Я*. Поэт продолжает эти концептуальные обобщения на примере литературы: «Всякий европейский роман, по содержанию, неизменно сводится к изображению человека, всякий русский роман также неизменно сводится к преображению, “воскресению” человек». Не умаляя, а, наоборот, высоко оценивая творчество Г. Флобера, Э. Золя и др. Н. Минский тем не менее отказывает им в правдивости и высшей истине с точки зрения русского читателя. Он считает, что в европейской литературе при всём разнообразии школ и приёмов, «мы всегда слышим фальшивую ноту индивидуализма, всегда видим её судорожную гримасу».

Противопоставляя русских писателей европейским романистам, Н. Минский находит у них единодушие в отрицательном отношении к культуре, порождённой индивидуализмом. У каждого русского писателя есть «как будто свой пункт», к которому он стремится: «Достоевский указывает на монастырь, Толстой зовёт в крестьянскую хату, Чехов заглядывает в уютный домик, где живут настоящие люди, Горький норовит в ночлежный дом. Но на самом деле они все

бояться не культуры, а её индивидуалистической закваски, бояться нового культурного фарисейства, не менее убийственного для духа любви, чем древнее иудейское». Н. Минский считает, что именно русская литература – «художественная и общественная» – первое проявление и доказательство русской самобытности.

Всё вышесказанное служит писателю доказательством того, что только русская революция способна перестроить «здание культуры на фундаменте социал-гуманитарного единства, вместо прежнего фундамента личного и классового соперничества», что нет другого народа, «который своей прошлой судьбой был бы подготовлен разделить с Россией её миссию», разве что... еврейский, «в котором личность выросла под таким же, если не большим, историческим давлением».

Писатель обосновывает идею русской революции ментальностью нации, её «историческим преданием». С чувством гордости за особый русский дух, за особую избранность народа как народа революционного, Н. Минский использует в качестве доказательств древние источники веры на Руси, востребованные русским человеком согласно своему душевному складу, т.е. творениям аскетов, где всё было направлено на умерщвление личного начала. Подобное исключает какую-либо серьёзность обвинений в адрес Н. Минского в русофобстве и «еврейском эгоизме». В своей публицистике писатель-философ всегда – творческая личность, ставшая средоточием двух культур, чьё сосуществование обусловлено их исторической судьбой.

Вторая глава «Меонизм Н. Минского, как “вторая метафизическая система, рождённая в России”» состоит из двух разделов. В первом разделе рассматриваются основные положения учения о меонах, изложенные в двух литературно-философских трактатах Н. Минского: «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890, 1897), «Религия будущего. Философские разговоры» (1905) и авторских комментариях к ним.

Меонизм («несуществующее», в орфографии Н. Минского – «мэонизм») возник в то время, когда многие русские мыслители искали новые пути к вере, к Богу. Вл. Соловьёв, Д. Мережковский, С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Бердяев, В. Розанов, Вяч. Иванов предпринимали серьёзные нравственно-интеллектуальные усилия для обновления «исторического христианства», для освобождения христианского учения и, в частности, православия, от церковной догматики и схоластики. В эту пору Н. Минский остро осознавал, что современный ему мир занят поиском идеала, что не только онтологически мыслящие философы, но и «болтуны в политике» и «пачкуны в литературе» стремятся быть знаменосцами и определять для общества высокие цели.

Меонизм рассматривается Н. Минским как метафизическое самоопределение личности в свете актуальной для Серебряного века дилеммы: богочеловечество или человекобожество. Цель жизни, считает поэт, не может быть быто-

вой, «конечной», как говорил С. Кьеркегор, её следует искать не вне себя, а в себе самом. Каждый выразитель собственного Я есть эгоист, и бессмертие для собственного Я есть самое заветное желание. Стать бессмертным невозможно, но можно преодолеть страх смерти.

В предисловии к первому изданию трактата «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890) Н. Минский объясняет причины, побудившие его к созданию нового метафизического учения: желание создать такую систему ценностей, к которой человек будет страстно стремиться. По его мнению, главная причина атеизма, разочарования в вере, кроется в сомнении человека в целесообразности мира. Это сомнение породило теорию о борьбе за существование и, как следствие, взаимную ненависть национальностей, идеал крови и железа, все пороки и преступления, свойственные обществу, отступившему от веры. Таким образом, изобретение Н. Минского возникло на почве страстного желания автора найти некое объединяющее, примиряющее начало для конфессий, национальностей и человеческих ценностей. Меонизм, по мнению Н. Минского, и есть такой вариант веры для всех людей (независимо от национальности, вероисповедания и увлечений), который предлагает высокую и насущно значимую цель. К меону необходимо стремиться каждому, чтобы избежать пороков.

Действительно, новизна теории Н. Минского в пору популярности ницшеанства, состояла не столько в её богоборческом характере, сколько в том, что он стремился снять противоположность между элементами бинарной оппозиции: между добром и злом, божественным и человеческим, смертью и жизнью. Н. Минский писал: «В мзонизме уверенность в небытии Бога превращается в краеугольный камень религиозного познания, но идея небытия принимается абсолютно, как смерть изначальная и вечно длящаяся, как вечное умирание и, следовательно, вечное воскресение. Эти два элемента божественности – абсолютное бытие и абсолютное небытие – во всех исторических религиях были разъединены <...>. В мзонизме оба элемента святыни впервые жизненно соединены, и поэтому мзоническая истина <...> кажется несокрушимой»⁵. Такая позиция побуждает прибегнуть к отдалённой аналогии и вспомнить лирического героя М.Ю. Лермонтова, стремящегося к обретению некоего третьего состояния, исключающего противоположность смерти и жизни: «Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь».

Н. Минский обращает внимание на то, что частично заимствует свою идею у древних восточных верований, но идея преодоления противоположностей была для поэта глубоко личностной. Это хорошо почувствовал Вл. Соловьёв, который писал о трактате: «Болезненное развитие душевной жизни стало теперь явлением настолько общим, что безо всякой обиды для г. Минского можно назвать его исповедь интересным психопатологическим этюдом»⁶.

⁵ Меонизм Н.М. Минского в сжатом изложении автора // Русская литература XX в. (1890 – 1917): В 3 т. / Под ред. С.А. Венгрова. - М., 1914. - Т.1. - С. 368

⁶ Соловьёв В.С. Заметка // Вестник Европы. - 1890. - Кн. 3. - С.437

В этом проницательном замечании этнический ключ к учению Н. Минского о меонах. Его философские трактаты возникли как латентная реакция на изгойство евреев, как попытка создания некоей космополитической религии. В авторских комментариях он писал: «Религии во множественном числе умерли, религия в единственном числе рождается. Религии многих умерли. Религия одиноких рождается <...>. Название этой рождающейся религии будущего – мезонизм»⁷.

В трактате «При свете совести...» Н. Минский выводит правила постижения меонов и пытается доказать жизнеспособность своей идеи художественным творчеством. Первым его программным лирическим произведением стало стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы людей» (1887). Следовательно, идея о меонах стала оформляться в сознании еще в 1880-е годы. Первый философский трактат вышел в свет в 1890 г., через семь лет переиздан. В 1900 г. выходит пьеса «Альма», где другое программное стихотворение «Два пути» выступает в качестве эпиграфа. В 1905 г. опубликован второй трактат Н. Минского «Религия будущего. Философские разговоры». Значительный промежуток времени между выходом в свет трактатов говорит о том, что учение о меонах стало для поэта значительной вехой в жизни.

Идеи своего философского трактата Н. Минский иллюстрирует пьесой «Альма», где главная героиня стремится к тождеству со своим идеалом и пытается преодолеть первородные инстинкты страха смерти и материнской любви. «Чистота, - исповедуется Альма, - сделала меня похожей на одну из святых, которым молятся в церкви»⁸. Самообожание Альмы сродни богоборческим идеям, которые инспирируют учение о меонах, где меон является первопричиной всего, он - Творец и он же - точка соединения противоположностей: красоты и безобразия, мгновения и бесконечности, первопричины и первоцели. Причём меон есть нечто идеальное, латентное, неявное.

Трактат «Религия будущего. Философские разговоры» построен в форме бесед с соседом по «санатории», поэтому учение излагается не как научная система, а как теория, построенная на основе бытовых наблюдений. Однако часто наблюдения не совпадают с теоретическими выводами автора. К тому же, герой книги рассказывает свою идею человеку, обречённому на смерть, в месте, где смерть является не гостьей, а хозяйкой. Это вызывает у читателя отторжение, ибо умозрительная беседа бессмысленна на фоне смерти, а единственный слушатель, по сюжету, умирает, не успев осознать важность открытия. За пределами трактата произошло то же самое: идея мезонизма никого не «спасла», у Н. Минского не оказалось ни сторонников, ни продолжателей.

Во втором разделе 2-й главы освещается реакция на учение Н. Минского выдающихся деятелей русской культуры: Вл. Соловьева, В. Розанова, Л. Толстого, А. Вольнского и др. Мезонизм не понимали и не принимали, изобретательно

⁷ Мезонизм Н.М. Минского в сжатом изложении автора // Русская литература XX в. (1890 – 1917): В 3 т. / Под ред. С.А. Венгерова. - М., 1914. - Т.1. - С. 388

⁸ Минский Н. Альма - СПб., 1900. - С. 40.

подбирая для него эпитеты с негативной эмоциональной окраской. Но для Н. Минского важна была любая реакция на труд, идеи которого он воплощал в своём художественном творчестве.

Одна из причин специфического отклика писателей, философов, учёных на работу Н. Минского – рассудочность и умозрительность его метафизической системы. У него был особый методологический подход к созданию теории меонизма: сначала возникала идея, которую автор тщательно обдумал и изложил, «рационализируя иррациональное», а потом он искал факты для доказательства жизненности своего учения. Как отмечал Г. Полонский, меонизм Минского – «это не мистическое a priori, а мистическое a posteriori»⁹.

Другая причина неудачи меонизма, более существенная: при этнической ангажированности автора у этого учения отсутствует, как ни парадоксально, какая-либо культурно-историческая основа, культурно-национальная традиция. По природе меонизм можно сравнить с гомункулом, выращенным в пробирке.

Третья глава «Лирика Н. Минского в контексте еврейской темы в русской литературе рубежа веков» состоит из двух разделов. В первом разделе рассматривается образ Агасфера в поэзии Н. Минского как обобщение еврейской судьбы в истории и культуре. Легенда о Вечном Жиде принадлежит к тем творениям, которым, отмечал К.Г. Юнг, обеспечена долгая жизнь. Он утверждал, что этот архетипический персонаж, не называясь он Агасфером, «все равно возник бы под другим именем»¹⁰.

В России волна наиболее сильного увлечения образом Агасфера начинается на рубеже XIX – XX вв., в пору возникновения русского декаданса и раннего символизма, где Агасфер – образ, многократно и многообразно использованный, воплощает, по преимуществу, «бесцельное и бесконечное движение в пространстве (кружение) <...> без искупительной телеологии циклического и спиралеобразного мирового времени»¹¹. Соглашаясь с Ханзеном-Лёве, заметим, что в творчестве Д. Мережковского, И. Коневского, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, В. Брюсова существуют самые различные модификации художественных трактовок легенды. Диапазон этих интерпретаций даже был выведен за пределы чувственно воспринимаемой трансисторической реальности и нашёл свою крайнюю границу у В. Брюсова, который писал: «Мысль – вечный Агасфер, ей нельзя остановиться, в её пути не может быть цели, ибо эта цель – самый путь». Другая граница находит отражение в поэзии И. Коневского: «И путник я, под солнцем, на распутье: вдали туманный мир».

Такой разброс художественных отображений легендарного образа Агасфера подтверждает мнение Ханзена-Лёве, что Агасфер «подобно Сфинксу, является

⁹ Полонский Г. Поэзия Минского // Русская литература XX в. (1890 – 1917): В 3 т. / Под ред. С.А. Венгерова – М., 1914. – Т.1. – С. 388

¹⁰ Юнг К.Г. Бессознательное рождение героя // От Эдипа до Осириса. – М., 1998. – С. 296

¹¹ Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве. – СПб., 1999. – С. 274

великой мировой загадкой». И у каждого из русских поэтов рубежа веков были свои разгадки этого вечного спутника человечества. У Ф. Сологуба образ Агасфера связан прежде всего с отверженностью, изгойством героя, который, словно в отместку за своё проклятие, как тень преследует наше воображение:

Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать и плясать
Беззвучно за спиной.

Агасфер у К. Бальмонта – символ неприкаянности и одиночества, которое возникает как расплата за неспособность к жертве и любви:

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз
И не любил - когда?

В другом стихотворении Бальмонт усиливает мотив обречённости Агасфера:

Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнью своей,
И не могу не быть – никак –
Вплоть до исхода дней.

Пребывание Агасфера в вечности поэт воспринимает в духе декаданса: не как бесконечную жизнь, а как возможность жизни в смерти: «Живи, как зверь, без колебаний! - / И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий» (К. Бальмонт). Здесь, как и у других современников Н. Минского, образ Агасфера служит поводом для отвлечённых философско-этических обобщений, никак не связанных с представлением о «народе Израиля», но отражающих характерные умонастроения «конца века».

Для Н. Минского в легенде о Вечном Жиде воплотился и образ древнего народа, и его собственная судьба как сына Израиля. Свою трактовку легенды он предлагает в цикле из семи стихотворений, написанных в начале первого десятилетия XX в.: «Агасфер», «Ты хочешь повесть знать...», «Я тот, кто осужден...», «Сон Агасфера», «Перед Сфинксом», «Вечерние размышления Агасфера», «Видение Агасфера».

У Агасфера в стихах Н. Минского не может быть ни спутников, ни соратников. Он, как весь еврейский народ, ведёт обособленное существование. Герой Н. Минского так же одинок, как и сам автор. А. Чанцев подчёркивает это, акцентируя внимание в одном случае на репутации лирического героя как «чужака», в другом - усматривает в его инородстве «опору для внутреннего сопротивления удушающей общественной атмосфере». А. Чанцев цитирует письмо Н. Минского И.И. Ясинскому от 18 февраля 1884 года: «Всё-таки считаю, что мои чувства должны оставаться чуждыми толпе, что я живу если не

на высоте, то всё-таки в каком-то замкнутом мире, из которого у меня нет ни желания, ни возможности выйти»¹². Здесь не только выражение индивидуалистического сознания, характерного для интеллектуализма конца века, но этническое самоощущение, самочувствие. Оно и подталкивает Н. Минского к теме Агасфера и к отождествлению себя с героем: «Я тот, кто, всех любя, всем стал невольный враг, / Чья грудь полна молитв, а речи отрицанья, / Кто водрузил сомнений чёрный стяг / На всех вершинах мысли и познания». Г. Полонский, отрицая сходство поэта и героя, тем не менее заметил двойственность в личности Н. Минского, которая и определялась дефиницией *русский писатель-еврей*.

Примеряя на себя образ легендарного героя, Н. Минский самоопределяется как представитель древнего народа и как создатель меонизма. Его Агасфер терзаем противоречиями: «Он всё отверг любя»; «Забытый смертью, чуждый жизни»; «Он шёл усталый, как всегда, и, как всегда, неутомимый».

Появление образа Агасфера в лирике Н. Минского связано с обострившимся в конце века так называемым *еврейским вопросом*, который актуализировался в связи с «делом Бейлиса», обвинённого в ритуальном убийстве. Дальним отзвуком этого стали в России еврейские погромы. В контексте событий и ситуации, образ Агасфера приобрёл для Н. Минского особую значимость. Не случайно, Ю. Айхенвальд писал, что «у него [Минского] Прометей и Агасферы, и Христос как бы низведены со своих вершин и втиснуты в рамки нашей общественности»¹³.

Лирика Н. Минского рассматривается в контексте еврейских мотивов в русской литературе. Сам писатель открыто к еврейской теме обращался лишь в цикле стихов об Агасфере, в переводе «Еврейских мелодий» Байрона и драме «Осада Тульчина».

Как правило, отношение рядового русского писателя к представителям еврейской диаспоры определялось словом *еврей* / *жид*. Внимание беллетристов привлекает их особая манера поведения (мимика, жесты). Многие писатели используют эти внешние атрибуты для создания кочующего из произведения в произведение образа героя. Штампы являются следствием обывательского неприятия «чужого» и не улавливают исторических изменений в общественном поведении и внутреннем мире еврея, его ассимиляцию в русской культуре и сращивание образованной еврейской прослойки с русской интеллигенцией. Литературные персонажи-евреи, как правило, не приспособлены к физическому труду, болезненно робкие, меркантильны, но чаще - жалкие и внушают презрительность. Такими они предстают в сочинениях В. Дмитриева, рассказах Н. Гарина, А. Шиманского и даже Н. Лескова.

¹² Чанцев А.В. Минский // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. - М., 1999. - С. 79

¹³ Айхенвальд Ю. Минский // Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. - М., 1994. - С. 366.

«Растрёпанный, с грязной помятой манишкой, весь в пуху, распространяя вокруг себя тонкий аромат чесноку, с двумя, когда-то белыми, кисточками, живописно торчащими из-под жилетки, Давыдка держал в воздухе протянутую руку и вдохновенно смотрел на пристава», - писал Н. Гарин («Ицка и Давыдка»). А.Шиманский повествует: «Казалось, все типичнейшие черты еврейского племени воплотились в нём: толстый, неуклюжий, несколько покривившийся в сторону, клиновидная борода цвета спелого огурца, наконец низкий лоб, окаймлённый жёсткими волосами, - таков был мой посетитель» («Сруль из Любартова»). Типичный еврей, считал М.Е. Салтыков-Щедрин, «напоминает своим видом подростка, путающегося в отцовских штанах, - для тёмной массы этого вполне достаточно, чтобы видеть в еврее всегда готовый источник потех и издёвок»¹⁴.

Русская беллетристика конца XIX – начала XX вв. не до конца изжила эти стереотипы. Философствующий офицер в «Жидовке» А. Куприна рассуждает: «Пусть Хацкель хил, жалок и болезнен, пусть вечная борьба с жизнью положила на его лицо жестокие следы плутовства, робости и недоверия <...>. Но еврейская женщина стережёт дух и тип расы, бережно несёт сквозь ручьи крови, под гнётом насилия, священный огонь народного гения и никогда не даст потушить его».

Замечательно, что в этом пассаже просматривается *гендерная*, как сказали бы сейчас, точка зрения. Еврейская женщина, ограниченная семейным кругом, видится прежде всего представительницей другого пола, хранительницей расового генотипа, и за ней признаются несомненные достоинства, но портрет еврея, более социализированного, чем его жена, тесно включенного в повседневные житейские и экономические отношения, несёт на себе печать предрассудков и, конечно, сложных этнопсихологических и этнокультурных взаимоотношений маргинальной среды с коренной нацией.

А.П. Чехов в «Перекасти-поле» знакомит читателя с исповедью молодого еврея-выкреста: «С самого раннего детства я питал любовь к учению, - начал он таким тоном, как будто говорил не о себе, а о каком-то умершем великом человеке (выделено нами – О.С.). – Мои родители – бедные евреи, занимаются грошовой торговлей, живут, знаете ли, по-нищенски, грязно. Вообще весь народ там бедный суеверный, учения не любит, потому что образование, понятно, отдаляет человека от религии...». В этом рассказе особенно значителен авторский комментарий, почти предваряющий речь еврея и указующий на непреодолимую дистанцию между собеседниками. Рассказ не зря называется «Перекасти-поле»: герой ушёл от культуры предков, но и новую не принял, а лишь заучил – одним словом, не смог найти для себя то третье состояние, при котором его жизнь обрела бы новый смысл.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Июльские веяния // Полн. Собр. Соч. в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. - М., 1973. - Т. 15. - С. 234.

В «Скрипке Ротшильда» А.П. Чехова взаимоотношения между этническими типами героев гораздо сложнее, они развиваются от чувства неприятия друг друга до соучастия и понимания общей дисгармонии жизни благодаря еврейской скрипке, которая приобщает и Ротшильда, и Иванова к той глубине бытия, на которой нет ни зла, ни расовых предрассудков.

Тем не менее в русской литературе рубежа веков сохраняется «позиция *вне-находимости*» по отношению к этносу евреев. У Н. Минского такой позиции нет. В «Осаде Тульчина» он устами Равви-Арона признаётся:

Благодарю, о Боже, что евреем
Я сотворен, что я – дитя народа,
Который Ты избрал, назвавши царством
Священников и царственным священством...

Но эти стихи немыслимы без свойственного «выкресту» Н. Минскому религиозно-национального дуализма, искренней привязанности к русской культуре и той устремлённости к *третьему*, которая проявлялась не только в учении о меонах, но и во всех литературных формах творчества: лирике, драматургии, публичных выступлениях. «Теперь он весь в этой двойственности,- писал о Н. Минском Аким Волинский,- в этом мираже бескровных понятий, в этом проклятии искусственной, хотя и сложной логики, истощившей всю его душу»¹⁵.

Как утверждает авторитетный исследователь А. Ханзен-Лёве, мотив *двойственности, раздвоения* в лирике символистов «отождествляется с наличием полюсов внутри отдельной личности» или в одной абстрактной категории, соединяющей полярные чувства: «Красота создаётся из восторга и боли, / Из желания и воли и тяжёлых цепей» (К. Бальмонт); «Я сказал: «Послушай! Я тебя узнаю. / Ты – это я, я – это ты, лет через десять...» (В. Брюсов).

Но как бы разное не трактовали мотив поэты, есть явная общая черта – все они описывают раздвоение собственного «Я»: «Какой-то хитрый чародей / Разъединил моё сознание / С природою моею...» (Ф. Сологуб); «Он только часть меня, я – только часть его / Он страшен и любим, как демон и хранитель» (К. Фофанов); «Но всё же я един в обоих, / Я проникаю их вдвоём» (И. Коневский); «Двое нас живут между людей: / Первый – это я, каким я стал на вид, / А другой – то я мечты моей» (К. Случевский).

Н. Минский стоит особняком. Трактую мотив двойственности, он не мыслит её имманентной себе, а остаётся наблюдателем раздвоения бытия, которое и есть его внутренняя драма:

Два мира предо мной. Один, что приютил –
Мир скудноправильный, размеренный, как сети.
Другой - враждебный мне, но юных полный сил.
Мирам обоим чужд, создать пытаюсь третий.

¹⁵ Волинский А. Современная русская беллетристика // Книга великого гнева. / А. Волинский - СПб., 1904. - С. 211.

В вольном переводе одного из стихотворений «Еврейских мелодий» Байрона Н. Минский выразил трагизм изгоя, отрёкшегося от веры отцов:

Ты, я знаю, безгрешен: грешит только раб,
Ты правдив и могуч – я преступлен и слаб,
Но пускай я и смертью свой грех не сотру,
В своей вере живи, а в моей - я умру.

У М.Ю. Лермонтова в подобном переводе такого мотива нет.

Двойственность, порождённая культурно-этнической двусмысленностью, проявляется у Н. Минского и в его отношении к прекрасному. О холодности стихов Н. Минского писали многие критики, определяя это качество в заголовках статей: «Холодные слова» (А. Блок), «Умные стихи» (Г. Чулков), «Потуги творческого бессилия» (Д. Рудин) и т.д. А. Волынский точно отметил антиномию, которая стала проблемой поэта: «Минский всю жизнь кричит о красоте, первый в России стал кричать о ней, но в нём самом, в душе его, нет никакой красоты, и оттого нет никакой красоты в его произведениях. Красота есть чудо личного развития, его органическая полнота, живое чудо живой земной стихии, и потому не может быть созданием каких-либо умственных хитросплетений»¹⁶. Замечание критика подтверждается отсутствием у Н. Минского «лирического пейзажа». Его герою чужд трепет при встрече с природой. Чтобы почувствовать подобное волнение, нужно иметь привязанность к родной земле, а у Н. Минского её нет: «Под солнцем, где не связан я ни с чем, / Не знаю ни отчизны, ни чужбины».

Лирический герой Н. Минского чувствует подобное отчуждение и среди людей, он отделяет себя от мира не только недосказанностью собственных переживаний, но и ироничной характеристикой таких человеческих отношений как привязанность, любовь, дружба:

Кто сам себя любить не может,
Любить другого осуждён

Во втором разделе 3-й главы проведён анализ смертных мотивов лирики Н. Минского. Лирика поэта во многом пессимистична, пессимизм её - и декадентский, и этнический - как правило, проявляется через смертные образы. Г. Полонский писал: «Минский – поэт с мёртвыми полосами и мёртвыми точками»¹⁷.

Причинность смертных мотивов Н. Минского содержится, на наш взгляд, в его признании: «Я – тот, кто смерть постиг при жизни»¹⁸. Эта самохарактеристика ставит лирического героя Н. Минского в особое положение ко всей декадентской поэзии начала века с её культом смерти, содержание которого раскрыл И. Анненский: «Реми де Гурмон, – писал он, – давно уже заметил, что наш

¹⁶ Волынский А. Современная русская беллетристика // Книга великого гнева / А. Волынский. - СПб., 1904. - С. 188.

¹⁷ Полонский Г. Поэзия Минского // Русская литература XX в. (1890 – 1910). В 3 т. / С.А. Венгеров. - М., 1914. - Т. 1. - С. 382.

¹⁸ Цитируется по: Чулков Г. Умные стихи // Покрывало Изыды. Критические очерки / Г. Чулков. - М., 1909. - С. 131.

интеллект никак не может привыкнуть к обобщению идеи смерти с тою, которая, казалось бы, к ней близка, т.е. с идеей небытия (de neant). Здесь поэзия является именно одною из сил, которые властно поддерживают эту разобщенность <...>, тем самым ничто из ничто обращается уже в нечто: у него оказывается власть, красота и свой таинственный смысл»¹⁹.

Анатомические подробности смерти, которые так настойчиво описывает Н. Минский, вступают в полемику с поэтико-романтическим представлением о загробной жизни: «И кашля трудного раскаты / Звучали долго в тишине, / А после на подушке смятой / Увидел кровь я при луне». Ещё красноречивее образы живых мертвецов в пьесе «Альма»: «Волосы, зубы, ногти выпадают. Кожа или разбухает и толстеет, - у такого лицо становится похожим на звериную морду льва или носорога, - или же кожа отсыхает, и тогда обнажаются кости, и вместо головы медленно образуется голый череп, или получается адамова голова...».

В стихах старших символистов часто встречается отождествление сна и смерти, которая способна, например, у В. Брюсова, вызывать некрофильские устремления: «Я бы умер с тайной радостью / В час, когда взойдёт луна. / Овеивает странной сладостью / Тень таинственного сна».

Н. Минский не знал подобных очарований, в стихотворении «Последняя жертва», он подробно рисует отвратительный процесс тления:

В гости червь гробовой
Пробирался с трудом <...>
Пировал на костях
Среди мяса и жил.
Изгибаясь, стоял
Пред отверстием ушным...

«Смерть, - писал он, - не только жестока, но и несправедлива и мстительна <...> существо живое, одарённое чувствами и волей, будит в смерти злорадную ярость, и всего более ей ненавистен человек, гордый своим бытием, мечтающий о бессмертии»²⁰. Это ощущение присутствия смерти в жизни было настолько сильно, что даже космос является Н. Минскому в смертном свете: «Природа знакомым покойником кажется мне...», «Бесстрастно лежит эта ночь в небесах, как будто в гробу...». Ещё более красноречивым является эсхатологическая картина, где неизбежность конца человеческой жизни соотносится с неотвратимой гибелью вселенной:

Увидеть смерть надежд своих, <...>
Все пережить их до единой
И лепесток за лепестком
Ронять, когда весь мир кругом,
Томится медленной кончиной.

¹⁹ Анненский И. Книги отражений - М., 1979. - С. 129.

²⁰ Минский Н. При свете совести: мысли и мечты о цели жизни. - СПб., 1897. - С. 225 – 226.

В этих стихах наиболее очевидно обнаруживается этнопсихология поэта.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. Изучение творчества Н. Минского как писателя, публициста, философа позволяет считать, что его творческая индивидуальность сформировалась на основе личностных и социокультурных качеств, обусловленных как происхождением и ментальностью писателя, так и влиянием на его художественный мир русской культурной традиции. Н. Минский русский писатель еврей, но не еврейский писатель (публицист) в России. Он пишет на русском языке, структура его художественных образов, жанровая система поэзии, включенность в русский литературный процесс конца XIX – начала XX вв. стали определяющими обстоятельствами его творчества.

Основные результаты исследования по теме диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Самсонова О.Н. Минский, он же Виленкин, он же Норд-Вест...// Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - 2007.- № 6.- С.151 – 154.
2. Самсонова О.Н. Тема еврейства в публицистике Николая Минского // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки».- 2008.- № 10.- С.137 – 139.

Публикации в других изданиях:

3. Самсонова О.Н. Изучение еврейского вопроса в публикациях Н. Минского начала XX века // Образование в меняющемся мире: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 21 – 22 ноября 2006г./ Отв. за вып.: О.М. Пальянова, А.В. Плитченко.- Новосибирск: Изд.-во НИПКиПРО, 2006.- С.190 – 194.
4. Самсонова О.Н. Мортальные мотивы в лирике Н. Минского // От текста к контексту: Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 5 / Под ред. З.Я. Селицкой.- Ишим: Изд.-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006.- С.78 – 82.
5. Самсонова О.Н. «Еврейский вопрос» в творчестве Н.М. Минского // XV Ершовские чтения: Межвузовский сборник научно-методических статей / Под ред. Т.С. Лукошковой.- Ишим: Изд.-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006.- С.67 – 69.
6. Самсонова О.Н. Белые пятна в наследии Н.М. Минского // Художественная культура Тюменской области: Материалы научно-практической конференции 13 – 14 апреля 2006г. / Под ред. М.А. Капеко.- Тюмень: РИЦ ТГИИК, 2006.- С. 252 – 254.
7. Самсонова О.Н. «Исповедь» в стихах и красках. О поэме Н.М. Минского «Последняя исповедь» и картине И.Е. Репина «Отречение от исповеди перед казнью»

- // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: Сборник научных трудов. Ежегодник. Выпуск 9.- Омск: Изд.-во ОмГПУ, 2006.- С.78 – 80.
8. Самсонова О.Н. Трансформация легенды об Агасфере в лирике Н. Минского // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: Сборник научных трудов. Ежегодник. Выпуск 9.- Омск: Изд.-во ОмГПУ, 2006.- С.86 – 88.
9. Самсонова О.Н. Мортальные мотивы в лирике Николая Минского // Художественный текст. Варианты интерпретации: Труды XII межвузовской научно-практической конференции 18 – 19 мая 2007г.- Бийск.: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007.- Часть 2. - С.217 – 221.
10. Самсонова О.Н. Мэонизм Николая Минского в творческих рецепциях автора // Художественный текст: варианты интерпретации. Материалы XIII Межвузовской научно-практической конференции 16 – 17 мая 2008г.- Бийск.: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008.- Часть 2.- С.79 – 83.
11. Самсонова О.Н. К вопросу о творческой индивидуальности Н.М. Минского // От текста к контексту: межвузовский сборник научных работ. Выпуск 7 / Под ред. З.Я. Селицкой.- Ишим: Изд.-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2008.- С.107 – 108.

Отпечатано в филиале «Ишимская типография» ОАО «ТИД».
г.Ишим, ул. Чкалова, 17.

Подписано в печать 02.04.2009 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ 1329. Тираж 100.

$$10 =$$